



ДИАНА ВА-ШАЛЬ

ПРАВИЛА
ЧЕСТНОЙ

ИГРЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Диана Ва-Шаль

Правила честной лжи

<https://litres.ru/74524273>

SelfPub; 2026

Аннотация

Моро и Ариса Жан-Паскали потеряли дом, прежнюю жизнь и право вернуться назад, но теперь их преследует не власть, а мёртвецы.

Северная зараза расплзается по Государству, превращая покойников в хищников, а привычный мир – в кровавые руины. Пока власть скрывает масштабы катастрофы, Жан-Паскали находят временное убежище в купольном городе, который должен был стать для них крепостью, но становится ловушкой. Под землёй рушатся старые тоннели, эпидемия уже проникла за безопасные стены, а улицы заполняет нечто страшнее живых мертвецов. Единственный шанс выбраться – попасть на эвакуацию.

Моро знает, как выживать, а Ариса – как не сдаваться. Они готовы защищать друг друга до последнего, но у каждого есть своя тайна, о которой другой не догадывается.

Может ли ложь рождаться не из предательства, а из любви?

И остается ли место доверию, когда мир превращается в кладбище?

Содержание

ПРОЛОГ	4
Часть 1	14
1	17
2	36
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Правила честной лжи

ПРОЛОГ

Год и три месяца назад они, официально объявленные государственными преступниками, подались в бег. Признанные вне закона, преследуемые ищейками Трех монархов, вынужденные прятаться в подполье и пуще прежнего бояться чужого взгляда в спину. Оплетенная терракотовыми цветами мечта обратилась кровавой дорогой, баррикады оказались стенами из облаков — к прежнему не существовало возврата, а грядущая жизнь представлялась не то крысиными, не то таракаными бегами из подвала в подвал. За смелость, которая никогда не становилась бронежилетом, пришлось дорого заплатить. Как и за чувства, вспыхнувшие таким же разрушительным пожаром, как и "Анцерб".

Сначала казалось, что самое страшное уже произошло: впереди — неясное будущее, которое сложно и прогнозировать, и пытаться изменить, а ныне — прятки от розыска с клеймом преступника. Однако спустя несколько месяцев после бегства в Северные земли, в глухие леса близ Редитианских гор, по приютившему беглецов краю поползли тревожные слухи. Они не были связаны ни с престольными играми, ни с гражданскими протестами, ни со сгущающимися над белокаменной столицей тучами державного упадка. То была

куда более страшная гроза, наползающая на Север с Лунных гор...

Потом кто-то посчитает кровавое бедствие свершившимися древними пророчествами, кто-то – простыми человеческими ошибками, приведшими к катастрофе; но тогда, пока остальные земли Государства прозябали в неведении и спокойно спали по ночам, по землям Севера неторопливо начинал макабрическое шествие мор, которому было уготовано лишить мертвых покоя.

На исходе лета 305 года случились первые вспышки Северной заразы – то происходило в небольших и удаленных медицинско-исследовательских центрах. Затем сдерживаемая эпидемия начала перебираться в города. Локальные очаги разрастались. Эвакуации быстро сменились на заблокированные – сильнее прежнего – границы. Бюрократический ад давал топливо разгорающейся на земле преисподней. Люди не получали ответов, Север охватывала паника, попытки выехать в другие земли будто только усугубляли закручивающиеся из центра гайки. Три монарха, сидящие в далекой столице, были готовы платить за иллюзию нормальности человеческими жертвами, которые уже к зиме, даже с учетом озверевшей политической полиции и заглушенного вещания, широко обсуждались на Севере.

Однако пусть Север и говорил, кричал, молил о помощи – но его вопли оставались беззвучными для Государства. Может, слухи и добирались, но... Кто мог поверить в них, коль

не увидел бы воочию? Можно ли было просто поверить в то, что мертвые пробуждаются? Ходят по земле? Жаждут человеческой плоти?

Маркизус Северных земель отчаянно пытался помочь подданным. Но и он, и весь его аппарат оставались бессильны перед перемалывающей машиной венценосного триумвирата.

Четверо беглецов осознали, насколько плохи дела, когда пропала необходимость скрывать имена и лица. Когда они перестали быть объектами розыска, мечеными для жнецов. Когда стали *выжившими*, пытающимися быть на шаг впереди от исполинской чумной поступи пробудившегося мора.

Ариса Жан-Паскаль, урожденная Хафнер, хорошо помнила холодные зимние месяцы, проведенные перебежками между временными убежищами и логистическими хабами. Хорошо помнила жуткую вонь на улицах, которая в неподвижном морозном воздухе становилась острее – люди жгли трупы в попытках собственными силами удержать распространение инфекции. *Но той словно помогали распространяться.* И всё вокруг – на грани между отчаянием и безумием. Торжество смерти венчала грязь. Во всех её проявлениях.

Харрисон Хафнер, брат Арисы и наследник идей "Анцерба", сердце и душа революционной организации, вновь взял в руки знамена – но теперь во имя спасения выживших, бегущих из городов и сбивающихся вместе. Из лагеря в лагерь,

куда четверо выходцев с Запада переезжали, он раз за разом помогал налаживать быт, режим и систему безопасности. Харрисон связывал разрозненные лагеря живых логистикой и связью – умирающей, но еще подающей признаки жизни.

Харитину Авдий, родную бабушку Хафнеров, эпидемия Северной заразы выбила из душевного покоя. Её тревога и бессилие для внуков стали дикими, ибо в прежние времена ничего не могло пошатнуть непоколебимость терракотовой леди "Анцерба". Женщина, пережившая облаву жнецов на собственных детей, революционную подпольную деятельность, смерть мужа, бегство в чужие, нелюбимые ею земли, уступки местному маркизусу, укрывшему беглецов не из сострадания, а с корыстными целями подрыва власти Трех – она с ужасом наблюдала за безумием эпидемии. Прошло много месяцев, прежде чем Харитина взяла себя в руки и вновь гордо распрямила плечи. Но ту зиму она провела тенью.

Моро Жан-Паскаль. Некогда жнец, во время своего рабочего задания встретивший и полюбивший Арису. *Она – художница, участница антиправительственного движения, он – представитель политического сыска, призванный найти и рассекретить участников организации; и о том, кто есть кто, они узнали во время демонстрации, столкнувшись лицом к лицу.* Моро мог сдать её, получить повышение и продвинуться по службе. Мог остаться верным Трем, идеологию

которых свято чтит. Но сначала он отпустил Арису. А потом нашел, чтобы сбежать вместе с ней. Моро казалось, что он сможет объяснить себе этот опрометчивый поступок позже – из человека, у которого было всё и даже больше, он вмиг стал призраком; из охотника обратился дичью, вынужденной делить кров с теми, кто не доверял ему, и чье мировоззрение было для него были чуждо – но "позже" не случилось, и Северная зараза бросила Жан-Паскаля в круговорот бегства.

К весне, к началу 306 года эпохи Трех монархов, никто уже не верил, что придет помощь из центра, что возврат к прежнему миру возможен. Мертвые, прозванные на Севере *кадаверами*, принялись бродить по земле, и нужно было торопливо учиться выживать рядом с ними.

И с людьми, которые теряли тормоза.

Весну четверо беглецов провели у берега Кровавого залива – там, в совсем крошечном купольном городке, укрытом среди леса, умельцы организовали защищенные укрепления и держали оборону. Отсиживались, пытаясь переждать только набирающую обороты грозу. К началу лета Северные земли официально пали: инфекция расползлась в самые удаленные их уголки, и отчаянная борьба оказалась бессмысленна. В начале лета, как донесли с основной части Государства слухи, Иванко Хорста лишили титула маркизуса Северных земель и, якобы, отправили в казематы. Трое пытались отвести внимание подданных от настоящего положения дел на Севере. Слухи об инфекции, о пробудившейся в ликах ожив-

ших мертвецов каре Небес ползли по Государству, и ни цензура, ни жнецы, ни все ухищрения могущественного триумвирата не могли их сдержать. Как не могли сдержать и саму эпидемию, прорвавшуюся к граничащей с Севером Перешеечной области. Для инфекции открывалась прямая дорога в другие земли Государства.

Эпидемия стала распознаться гораздо стремительнее, ведь если на Севере люди хотя бы немного были осведомлены и пытались бороться, то прочие земли оказались слепыми котятками в холщовой сумке, сброшенными в пучины. *К тому же, Северной заразе действительно помогали.*

Но тогда еще ни Хафнер, ни леди Авдий, ни чета Жан-Паскалей не знала о том, кто за всем этим стоит. Впрочем, это и не стало судьбой Моро и Арисы. Да и Харитине и Харрисону в ней уготована была лишь второстепенная роль; *но это совсем другая история.*

В начале второго летнего месяца Харрисон смог раздобыть поддельные эвакуационные билеты для своей семьи – сам он обещал отправиться в путь спустя месяц, когда поможет прибывшим к границам Перешеечной области людям покинуть пределы захлебывающегося кровью Севера. Харитина отказалась ехать, сказав, что останется с внуком и будет помогать. Арису же уехать заставили – и Харрисон, и Харитина... Но в большой степени Моро. Он пожал руку её брату и поклялся продолжать защищать девушку. А Харрисон, как бы ни относился к прошлому Жан-Паскаля, доверил ему

свою сестру без страха и сомнений. Хафнер знал, что бывший жнец костями ляжет, но спасет возлюбленную.

"Встретимся на Западе. Дома. У Теневых берегов, — улыбался Харрисон, обнимая Арису на прощание. — Берегите друг друга и не оглядывайтесь назад. Будьте осторожны. Никому не доверяйте. Вы должны добраться к Аэстасу. И мы вас там найдем. Обещаем друг другу к концу осени встретиться в °3-6-18-1".

Моро вывез Арису с Севера. Они затесались в списки представителей элит, выезжающих последними колоннами, и двинулись по Перешеечной области... А инфекция тянулась следом за ними. Им чудом удалось "проскочить" начинающийся здесь апокалипсис — а из-за положения, особенностей дорожной сети и географии территории, Перешеечная область превратилась в кровавую баню, где уцелеть было настоящим чудом. Если бы Жан-Паскали где-то промедлили или угодили бы в затор, то единственным шансом на спасение стало бы бесконечное петляние между блокирующимися проездами. Но они успели. Перешеечная осталась позади. К началу третьего летнего месяца пара не только миновала озеро Нокснотер, оказавшись в Западных землях, но и прошла вглубь, к северному подножию горного массива "Чертоги". Там они прибились к группе выживших, направляющихся к горному купольному городку КГ/12-13-6-20-12-1, где была организована безопасная зона.

К тому времени Арисе и Моро не просто нужна была пе-

редышка, она стала жизненно необходима.

КГ/12-13-6-20-12-1, лежащий в межгорной котловине и окруженный скалистыми склонами, казался неприступной крепостью. Жан-Паскали обосновались в небольшой квартире на окраине, пытаясь перевести дух. Днями на улице стояла нестерпимая жара, ночами – дождь лил, как из ведра, и ветвистые молнии озаряли белым светом иссиня-черную тьму опустившихся ближе к земле небес.

Первые признаки беды появились незаметно. После особенно сильных ливней на дорогах стали возникать длинные трещины. В некоторых районах просел асфальт, перекосились фонарные столбы, а из-под крышек канализационных люков начал доноситься странный гул, похожий на далекое движение поездов. Люди списывали это на отсутствие коммунальных служб, на непогоду, на общий хаос последних месяцев; в конце концов, когда за стенами города бродят мертвецы, мало кто обращает внимание на треснувший тротуар.

Но город болел глубже, чем казалось.

Под улицами КГ/12-13-6-20-12-1 тянулись километры старых шахт и тоннелей, давно забытых и отмеченных лишь на пожелтевших инженерных схемах. Десятилетиями их обслуживали насосные станции, укрепления и постоянный контроль. Теперь этим некому было заниматься. Дождевая вода просачивалась в недра котловины, размывая старые выработки и подтачивая опоры. Ночами жители начали просыпаться от едва ощутимой дрожи – словно где-то глубоко под

землей ворочалось огромное чудовище.

Первое крупное обрушение произошло на рассвете. Ари-са и Моро подскочили на кровати от жуткого грохота, протяжного скрежета металла, задрожавших стекол и пошатнувшегося мира. Целый участок улицы в центре города пошел под землю. В персикового цвета небо, затянутое утренней дымкой, устремились клубы пыли. Грохот прокатился не только по КГ/12-13-6-20-12-1, он пошел дальше, к горным склонам, откликнулся там рокочущей волной... А затем пришла пугающая тишина.

Первый, но далеко не последний обвал; и город-крепость стал городом-ловушкой, минным полем, где нельзя было быть уверенным в следующем шаге. Где произойдет новый обвал? Какой квартал рухнет в кромешную тьму подземных коммуникаций? Какой путь окажется отрезан?

И, как известно, беда не приходит одна.

Может, рухнул один из участков линии обороны города, пропустивший ошивающихся поблизости кадаверов. Может, переносчик инфекции был пропущен в жилые кварталы недосмотревшими караульными – а такую невнимательность нельзя оправдать тревогой или волнениями о пропадающей под ногами земле. Так или иначе, Северная зараза вспыхнула за стенами КГ/12-13-6-20-12-1. И было достаточно всего одного зараженного, всего одного не убитого трупа, чтобы инфекция начала расползаться. Люди угодили в лабиринт собственных баррикад, заблокированные внутри города.

К началу осени КГ/12-13-6-20-12-1 стал очередной могилой.

Выжившие оказались в клетке.

Часть 1

ЗЕМЛЯ



306 год Эпохи Трех монархов,
середина первого осеннего месяца.

Ариса читала в свете догорающей парафиновой свечи – наивная попытка отвлечься и не думать о том, что Моро отсутствовал девятый час.

Обычно он никогда не задерживался так надолго: все вылазки Жан-Паскаля длились часа три, если они с Арисой не обговаривали заранее другую продолжительность. К тому же супруг девушки был крайне пунктуален и даже в нынешних условиях умудрялся вписываться в тридцать минут запаса. Если же Моро рассчитывал на то, что могут возникнуть проблемы и трудности, то всегда брал с собой старушку-рацию – добытую им в затопленном хранилище для особых случаев, на которое они случайно наткнулись месяцев пять назад – но только и единственно в этом случае. Запитывать рации каждый раз становилось сложнее, и заряды аккумуляторов береглись для ситуации уровня "бедствие". Сегодня же Моро ушел без рации, в соседний квартал, решив обыскать несколько оставшихся неисследованными домов. Он был в том районе раз десять, если не больше, и хорошо знал каждый угол...

Девушка поежилась и сжала стучащие друг о друга зубы. Под ребрами разгоралась настоящая буря, а мысли, одна хуже другой, колотились в висках бешеным сердцебиением.

А что если Моро столкнулся с мародерами? Или кадаврами? И с кем столкнуться хуже? А что если улица, местами обвалившаяся в разветвленные тоннели метро, пропала под ногами Жан-Паскаля? Нет, последнее исключено точно, Ариса бы услышала грохот; его ни с чем не спутаешь, за полтора месяца жизни – если это можно назвать жизнью – в КГ/12-13-6-20-12-1 они оба уже хорошо его знали.

Самым ужасным стало то, что ощущение постоянной небезопасности только обострялось: обвалы невозможно предугадать, а они угрожали везде и всюду, без разницы, в одноэтажных ли домиках или в высоких современных кварталах, на открытых проспектах или в закутках крохотных парковых аллей.

На улице давно стемнело, и на город опускался густой белый туман, скатывающийся с горных хребтов. Солнце, обычно долго держащее на Западе день, в КГ/12-13-6-20-12-1 было редким гостем. Город лежал в пади между скалами, и расцвет здесь всегда наступал поздно, а закат – рано; зато туманная дымка могла держаться сутками.

Ариса покосилась в сторону заколоченного окна, откуда тянуло холодом. Второй осенний месяц пришел дождями и нехарактерным для земель промозглым холодом. Хотя, слишком многое поменялось, чтобы обращать внимание на

превратности погоды: ибо когда мертвые потеряли покой и принялись ходить по земле, охотясь на живых, как на дичь, могло ли похолодание казаться таким страшным?

Поправив на плечах клетчатый колючий плед, Ариса перевела взгляд на дрожащую в руках книгу. Волнение не унять. Моро неизвестно где, неизвестно, жив ли. *Паника. Паника. Паника. Она расплзлась по телу ядом.* Девушка бросила книгу на выцветший рубиново-красный диван и поднялась, начиная беспорядочно наматывать от стены к стене круги по небольшой комнате.

Диван. Напольный торшер. Книжный стеллаж. Покрытый пылью кинопроектор. Низкий зеленый пуф с изумрудной круглой подушкой. Пустой цветочный горшок.

Огонек свечи покачивался, отбрасывая неяркие отсветы на тронутые плесенью стены, а Ариса с ужасом думала о том, что будет, когда свеча потухнет, и ей придется остаться наедине с мраком. Можно, конечно, достать новую свечу, но их оставалось слишком мало, чтобы гнать прочь темноту: сегодняшний лимит исчерпан, нужно оставаться бережливой, даже когда...

Даже когда становится слишком страшно.

Девушка замерла посередине комнаты, останавливая взгляд на свече. За свою жизнь она хорошо поняла, что ночь обнажает страхи. Но её страх *уже* кричал, *уже* показывал лицо, не стесняясь света, пусть и умирающего.

Где же Моро?

Ариса обняла себя за плечи. *Богиня Матерь, если слышишь, если не отвернулась от своих нерадивых детей!..* Но если что-то и произошло, то Жан-Паскаль наверняка выберется. Иначе быть не может. Ариса не знала людей, более приспособленных к выживанию. Последний год лишь подтвердил, насколько Моро живуч и умеет приспосабливаться к обстоятельствам – даже Харрисону стоило у него поучиться, а ведь брат всегда был образцом человека, способного использовать окружающую обстановку в своих целях.

Но Моро всё-таки бывший жнец. Умение быть тенью, менять маски по собственной прихоти у него в крови.

Вздрогнула. *Бывший жнец.*

Как бы Ариса не старалась забыть об этом, каждый раз возвращалась к одной и той же мысли: бывших жнецов не бывает. Неважно, стал ли он дезертиром и государственным изменником, нарушил ли приказ и бежал вместе с девушкой, отравившей его мысли. Жнец остаётся жнецом.

Девушка обессиленно опустилась в кресло. *Правда в том, что они оба отравились друг другом, и ни один не искал противоядия.* Ариса закрыла лицо ладонями, чувствуя, как бьёт дрожь. К панике примешивался оглушающий страх. Её воля, она пустилась бы бежать – то ли чтобы сбросить напряжение, то ли чтобы искать. Ожидание нестерпимо. Секунда, вторая; Ариса поднялась было, но в этот момент она различила звуки, донесшиеся из подъезда – совсем тихие, но в ватной тишине острый слух их уловил. Торопливые шаги.

Ариса подскочила на ноги и подхватила винтовку, стоявшую в углу комнаты. На свои силы она и спустя год после начала апокалипсиса особо не рассчитывала, но оружие в руках давало ощущение контроля. С ним страх казался укротимым.

Однако в дверь явно вставили ключ, и спустя мгновение в квартиру ввалился запыхавшийся и вспотевший Моро Жан-Паскаль наперевес с тяжелой сумкой.

Ариса, сдавленно выдохнув, бросилась к мужчине. Он поймал ее в объятия, крепко прижимая, и девушка почувствовала, как колотится его сердце.

— Где ты был так долго? — выдавила Ариса, обнимая Жан-Паскаля за шею и машинально прощупывая спину. — Всё в порядке?

— Всё хорошо. Я нашел немного полезного инвентаря, пару пачек макарон и пакет чипсов, — он хрипло посмеялся, целуя ее в висок. — Наткнулся на зараженных и пришлось делать крюк, но... — прежде, чем Ариса успела ужаснуться, быстро продолжил, выбивая из ее легких воздух, — но я нашел убежище уцелевших жителей в восточной части города. Они оцепили кварталы, наладили систему безопасности, а самое главное: они знают о готовящейся эвакуации из города! Им удалось оживить одну из линий метрополитена, они хотят запустить поезд и переправить людей в опорный пункт выживших на северной окраине. Оттуда, с центрального вокзала, через четыре дня отправится экспресс в основ-

ные части Западных земель. Ариса, у нас есть шанс выбрать-ся!

На улицах темнела беспросветная ночь, и белый туман полз по земле плотным облачным покрывалом. Моро пытался помыться дождевой водой из одной из собранных полуторашек. Ариса, держа чайную свечу, упаковку которых Жан-Паскаль обнаружил, стояла, опершись о дверной косяк ванной комнаты.

Мужчина склонился над раковиной, вытирая смоченной тряпкой покрытые кровью и побелкой плечи. В полутьме тускло поблескивали звенья тяжелой серебряной цепи, которую Жан-Паскаль носил на шее, сколько Ариса его знала.

— Как ты себе ничего не сломал... — девушка попыталась скрыть тревогу за иронией.

Моро хохотнул, промывая тряпку в тазу с потемневшей водой.

— Я успел ухватиться за балку. Кто же знал, что пол настолько прогнил! С другой стороны, может, Мать уберегла — эти десять минут промедления не столкнули меня с зараженными лицом к лицу. Вышел бы раньше, они бы... — и резко умолк, обеспокоенно обернувшись на Арису. — Не бери в голову, в любом случае всё обошлось.

— Они бы тебя сожрали, — в унисон с ним произнесла

она слова, которые Жан-Паскаль удержал. Мужчина промолчал и вновь принялся оттирать грязь с плеча.

Ариса поджала затрясшиеся губы и обняла себя свободной рукой.

На лопатках мужчины виднелся красноватый шрам. В начале апокалипсиса, во время давки у вокзала, откуда Моро и Ариса поначалу старались покинуть Северные земли, один из выживших точно рассудка лишился — *не удивительно, в общем-то: паника, полное непонимание ситуации, живые мертвецы, а в довершение остатки властей удерживали людей в барьерах захлебывающихся кровью городов, чтобы не допустить распространения инфекции; горы трупов, становящихся впоследствии монстрами, одно ранение от которых предвещало мучительную смерть и возрождение после нее*, — он принялся размахивать украденной из музея древностей саблей. Несколько человек оказались с перерезанной шеей, кому-то он распорол грудину, кому-то брюхо; одной несчастной отрубил по локоть руку, а другому мальчишке срезал пальцы. Моро зацепило по касательной, и откровенно говоря, он легко отделался.

Впрочем, Жан-Паскаль же, сориентировавшийся в той давке первым, и выпустил пулю в голову безумца.

— Всё обошлось, — сухо повторил Моро. Мокрыми ладонями зализал назад упавшие на лоб пряди темных, почти черных волос. — Риск более чем оправдал себя. У нас появился шанс отсюда выбраться, — он вздохнул, опираясь о

столешницу раковины, и поднял взгляд к своему уставшему отражению в мутном зеркале. — И, боюсь, это лучший вариант из имеющихся. И считай единственный. Обвалы в городе продолжают, зараженные будто взбесились, провианта нет, а обыскивать дома, которые вот-вот рухнут тебе на голову, становится безрассудным до идиотизма... — Мужчина сжал зубы до дрогнувших желваков и качнул головой. Помедлил, но и Ариса промолчала, чувствуя, как внутри знобило. — Мы можем, как и планировали, попробовать выбраться за черту города самостоятельно, — выждал паузу. — Но вместо того, чтобы наземно миновать купольную систему безопасности и горный хребет, куда проще и быстрее выехать на поезде. Он проведет нас под ограждениями и наперерез горам: выйдем сразу на равнине, а там — с попутным ветром...

— Ты пытаешься меня уговорить или себя? — осторожно спросила Ариса. Моро скосил на нее взгляд через отражение. — Меня или себя пытаешься убедить, что так поступить правильнее? Ты ведь знаешь, я приму любое решение и пойду следом.

— Знаю. Но... — он запрокинул голову, медленно выдыхая. — Нам будет нужно добраться до вокзала. А для этого, сначала, до метро. Есть два варианта: мы можем пойти к убежищу, к выжившим, или сразу на станцию...

Ариса едва заметно дернула уголками губ в улыбке.

Как бы Харрисон и Моро не ворчали друг на друга, было кое-что в их характерах безусловно общее: недоверчивость,

стремление к самостоятельности и привычка к контролю. Жан-Паскаль не очень любил "хабы выживших" и считал их не менее опасными, чем столкновение с зараженными.

— Вариант идти напрямую к станции тебя прельщает больше?

— Я обдумал маршрут сразу до нее, так будет ближе, чем к лагерю...

— Хорошо. Без проблем. Давай сразу на станцию.

— Метро запустят послезавтра. Электрички будут курсировать с шести утра до двенадцати дня. По одному составу с интервалом в два часа. И в одну сторону – на вокзал.

— Мужчина подхватил с крючка полотенце, принялся вытирать шею. — Надо будет пересечь несколько достаточно обширных кварталов, плюс, там есть расщелины и обвалы. Возможно придется петлять. Я бы поостерёгся и вышел завтра утром.

— Хорошо.

— Придем раньше – будет нужно ждать отправления. Я бы не рисковал ни соваться на станцию, ни ошиваться где-то поблизости. Знаем об отправлении мы – знают и другие. И, вероятно, не только выжившие восточной части, хотя и их достаточно. Нам нужно место метрах в пятистах-семистах, чтобы быстро добраться утром, но не попасть под ненужное чужое внимание. Там неподалеку есть пара небольших ТЦшек, но лучше бы найти какое-нибудь административное здание: оно явно будет отвратительным для ночлега, но благодаря

этому и более безопасным...

— Да, знаю. Ты говорил многократно. Хорошо. — Ариса поставила свечу на стиральную машину, облицовка которой потрескалась и покрылась бурыми цветами ржавчины. — Не нужно повторять и разжевывать, — сдавленно выдохнула, чувствуя на себе внимательный взгляд, но не обернулась.

Пахло сыростью. Теперь везде и всегда пахло сыростью. Но это определенно лучше, чем мерзко-сладкая вонь трупной гнили.

Моро медленно подошел к Арисе со спины и, обняв, притянул к груди. Опустил голову к её плечу.

— Прости. Считаю, что я просто проговариваю план и его обоснование для себя вслух. Так проще, чтобы мысли в кашу не превращались.

— Тебе следует больше на меня полагаться. Так будет и тебе легче, и мне спокойнее. Не носись со мной как с хрустальной вазой, ладно? Договаривались же: раз вдвоем остались, то вдвоем и работаем...

— Не ворчи, любовь моя.

Уменьшившийся огонек свечи растаял, и ванная комната погрузилась в темноту. Тишина стала отчетливее.

— Знаешь, мне часто кажется, что я смогла принять произошедшее, — вдруг сказала Ариса. — Осмыслить, пережить в какой-то мере, начать сосуществовать и двигаться дальше с новой реальностью, но... — девушка потянула воз-

дух через зубы, сама уловив звук того, как они клацают друг о друга. Моро крепче обнял, уткнувшись носом между ее плечом и шеей. — Но что если мы просто бежим от реальности, сами себя обманывая? Что если я просто наивно жду, как вот-вот всё изменится и наладится?

— Всё изменится и наладится, Ариса. Мы все в глубине души на это надеемся. Это не просто нормально, но правильно: без надежды было бы совсем паршиво.

— Хорошо, что ты со мной, — горько улыбнулась Ариса, обхватив руки Моро, а следом, от внезапного гула, вздрогнула и круто обернулась. Сердце подлетело к горлу, заколотилось с бешеной скоростью; и в ушах зашумело в унисон с покотившимся по улицам трескучим гудением.

Выпрямившийся Моро сжал губы.

— Опять обвал, — сухо отметил. Открыл рот, намереваясь еще сказать что-то, но не стал.

Оно, в общем-то, и не было нужно: Ариса хорошо знала, о чем тот подумал. Громкие звуки всегда привлекали кадаверов. Даже если зараженные не придут к порогу Жан-Паскалей, то всё равно станут активнее по городу, и вероятность с ними столкнуться возрастет. И не приведи Богиня Матерь, они соберутся в охотничью стаю и, найдя жертву, начнут охотиться! По позвоночнику Арисы заскользил липкий холодок.

Отстранившийся Жан-Паскаль надел потертый графитово-серый свитер, покрытый мелкими дырками. Удивитель-

но, каким преданным Моро оставался этой вещи, которую можно было легко заменить, зайдя в любой из брошенных магазинов одежды. Но для него это был символ “свободной жизни” – он купил свитер, когда беглецы обосновались на Севере, и часто шутил, что сменил белый воротничок на крахмаленной рубашки на теплую вязку мериносовой шерсти.

— Идем, солнце, — Жан-Паскаль поцеловал Арису в макушку, — пора отдыхать. Наутро нам нужно много сил.

Дождь начался около трех часов ночи. Арису разбудил протяжный громовой раскат, разразившийся над крышей их убежища – по ощущениям, кто-то ворочал металлические листы, снимал их и сдваливал между собой, – и Хафнер подскочила на кровати, подумав, что земля начала проседать под ними, и сейчас они окажутся погребены. В панике девушка потянула за собой сонного Моро, и только спустя пару секунд поняла, что за окном началась гроза. Как запоздало пришло и осознание, что спастись бы они не успели, если бы действительно образовалась расщелина. Жан-Паскаль пробормотал что-то успокаивающее и, измотанный за день, вновь отрубился, едва коснувшись головой влажной от сырости подушки.

По стеклам забарабанил дождь.

Ариса со стоном легла, запустив пальцы в волосы. Дикая паника спугнула сон – а ведь снилось что-то приятное и теплое! – и слишком ясное сознание казалось то ли лихорадочным припадком, то ли иной формой реальности. С другой стороны, ночью мир всегда менял очертания, превращаясь в эфемерное подобие жизни.

Раньше Ариса очень любила ночи: до самого рассвета стоять за холстом и ложиться с первыми лучами; но после первого рассвета судного дня изменилось слишком многое. Ночи стали пугать. А живопись, всю жизнь сопровождавшая Арису, вдруг стала чужой – девушка давно не держала кисти в руках. Реальность оказалась оглушающе громкой, она перекрикивала внутреннего творца, давила его ниже и ниже, делая покорным рабом тревоги и бессилия. Множить кровавый хаос на бумаге Ариса не хотела и не могла. Скетчбуки, в которых она пыталась делать зарисовки природы и городов, быстро превратились в черные листы неконтролируемых росчерков ручки. Хаотичные линии густели, и черные дыры всё больше разрастались. Иногда среди них можно было различить фрагменты зарисованных портретов. Там был профиль Харрисона. Были закрашенные черной тушью автопортреты, различимые только продавленными ручкой линиями.

Вспышка молнии озарила ослепляющим белым светом – он, прорвавшись сквозь плотные шторы, залил на короткое мгновение комнату и обнажил её раны. *Да, здесь нашли убежище люди, но люди здесь давно не жили.* Словно путеше-

ствие по воспоминаниям о погибающем человечестве. Увядание подобно хрупкому цветку, иссохшему и потерявшему цвет. Буро-серому, песочно-оливковому. Коснешься его – и ощутишь пыль на пальцах.

Спустя пару секунд после вспышки света гром вновь сотряс небосклон. Ариса сухо отметила, что удар молнии пришелся где-то совсем рядом. Страх никуда не ушел, но вместо того, что растечься по телу, сгустился в груди: оцепенение, принятие, смиренное ожидание.

“Анцерб” считал, что покоровшийся человек – мертвый человек. Что сдавшийся, истощенный человек – лишь оболочка.

И Ариса правда себя такой чувствовала.

Она повернула голову. На столе лежали два собранных рюкзака, набитая дорожная сумка, пистолет. О стул оперта винтовка.

Моро, спавший на спине, дышал спокойно и ровно. Ариса прижалась к нему. Закинула на него ногу, обняла под грудью – Жан-Паскаль машинально потянул на нее одеяло и обнял девушку в ответ, подтягивая к себе – и закрыла глаза. Она думала, что не уснет до утра, но, слушая размеренное дыхание мужчины и шумящий за окном дождь, быстро и незаметно провалилась в сон.



Серая дымка раннего утра затягивает дорогу. Силовики тщетно пытаются перекричать толпу, регулируя движение эвакуирующихся людей. Со стороны центра раздаются крики и выстрелы, толпа жмется друг к другу плотнее, и движение постепенно превращается в давку. Голова кружится, воздуха не хватает, реальность расплывается и меркнет.

— Не отключайся, — раздается над ухом голос Моро. Жан-Паскаль, удерживая Арису впереди себя, пытается закрыть её собой от локтей толкающихся людей.

— Дай мне сумку, — девушка вырывает её, увесистую, из мужских рук и прежде, чем Моро успевает огрызнуться, добавляет: — Лучшие продолжай контролировать наше движение. Мне не тяжело.

Моро, сжав губы, смотрит в лицо Арисы несколько секунд, и его темные глаза кажутся почти черными. Нехотя кивает.

В этот же момент хлопок раздается слева. В воздух взмывает серый гриб взрыва, огни пламени и ошметки разлетающейся машины, а шум толпы прерывается вскриками и плачем. “Сохранийте спокойствие! Не толкайтесь! Двигайтесь умеренно!” — басит в громкоговоритель военный в камуфляжной форме, стоящий на бронетранспортере. Мо-

ро молча поднимает на него взгляд, а вот мужчина где-то позади не выдерживает: “Слышь, ублюдок, какое к хренам спокойствие?! Вы заблокировали выходы! Одни гребаные ворота на тысячи голов! Выпускаете по паре человек в минуту! А в городе кадаверы! Как думаешь, как скоро инфицированный в толпе найдется, а? Мы к ночи все здесь подохнем!”. Военный убирает в сторону громкоговоритель и, наклонившись в сторону кричавшего, почти рычит: “Если не заткнешься сам, тебя отсюда вытащат и насильно заткнут, понял?! Не смей поднимать панику!”.

Ариса встревожено пытается обернуться, но из-за Моро ничего не видит. Судя по сливающимся в шум крикам и усилившейся толкотне, начинается потасовка. Жан-Паскаль, до боли перехватив девушку под локоть, теснит их в сторону, ближе к обочине дороги, уводя от суматохи. Кажется, все перерастает в драку. А следом раздается жуткий визг.

— Не оборачивайся! — одергивает Арису Моро, когда та пытается выглянуть из-за его плеча. Выстрел. Еще один. — Твою, сука... — шипит мужчина, машинально приседая в коленях. Ариса неосознанно повторяет за ним. — Давай, ускорямся, — он выхватывает из рук девушки сумку, а саму Арису тянет за спину. — Крепко за меня держись! — она подчиняется, плохо разбирая хаос вокруг. Жан-Паскаль начинает петлять между людьми, проталкиваясь в более-менее свободные места. Им вслед доносятся маты, угрозы и возмущения; Ариса, вцепившись до побелевших пальцев в Мо-

ро, жметя к нему ближе и старается не отставать ни на шаг, а он сам упрямо движется вперед.

Сосны по обе стороны леса – как остроконечная клетка. Глубина леса – черная, беспросветная; Ариса старается не думать о том, что может в ней скрываться.

Появляется мощный и низкий гул, и несется он отовсюду, накрывая дорогу. Люди то и дело поднимают головы. Серое небо насаждает на землю.

Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Попытки не сбить дыхание. Прохладный рассветный воздух чудится раскаленным и колючим. От очередной бессонной ночи голова гудит, только подталкивая к границе с потерей сознания...

“Зараженный!” — и выкрик пропадает в беспорядочной автоматной очереди, криках, столах. Мокрый мороз по коже. Секундный ступор у всех, а затем толпа начинает толкаться сильнее, густой волной качнувшись в сторону виднеющихся для Моро и Арисы ворот. “Блять, блять, блять...” — слова Жан-Паскаля сливаются в один выдох. Моро переходит на полубег, хватая Арису за шкурку.

Гул нарастает и странно “проваливается”. Прерывающийся, трескучий, резкий, пугающий рёв. Жан-Паскали – а вместе с ними десятки, сотни других людей – синхронно поднимают головы, устремляя взгляды к небу, и пугливо, рефлекторно пригибаются.

Накрененный набок самолет летит слишком низко. А за ним тянется черновато-синий дым, закрывающий небо се-

рыми клубами и вспыхивающими в них языками пламени. Ариса давится вдохом, впиваясь ногтями в руку и плечо оцепеневшего Моро. Воздух устремляется за самолетом, летящим в сторону города. Внезапно нос самолета уходит вверх, судно начинает вновь набирать высоту...

Но замирает на какую-то долю мгновения – или это мир замер в сознании Арисы? Всё замерло в одной точке, и даже сердце остановилось – а затем камнем срывается вниз.

— Беги, беги, беги!!! — крик Моро сквозь глушащий, растущий рев и какофонию воплей.

Неподалеку падает обломок, Ариса замечает красную вспышку, но из-за шума не различает визгов. Как и земли под ногами. Но Моро тянет её за собой быстрее, быстрее, быстрее...

Резкий хлопок, рокочущий грохот, скрежет, рычащий взрыв. Вспышка света, режущая дымку. Вдогонку ей – вибрация по земле. Спустя мгновение – ударивший в спину горячий ветер.

И дышать нечем – толкающиеся люди везде, всюду.

Ворота в паре метров. Пытающиеся удержать людей военные. Потасовка, рвущийся строй, раскачивающаяся толпа.

Моро с налета выбивает с дороги одного из силовиков. Из-за хаоса и неразберихи среди людей – и военных, и эвакуирующихся – возникает секундное промедление, которое Жан-Паскаль пользуется. Он вылетает в образовавшуюся

щель вместе с Арисой и, схватив девушку и крепко удерживая, ныряет в овраг слева.

Катятся кубарем, отбивая почки и ребра; доносится начавшаяся стрельба.

Ариса не успевает сориентироваться, не успевает откашляться, не успевает осознать дикую боль в теле и то, что вся мокрая. Моро, подскакивая на ноги и сам едва удерживаясь, тянет её наверх, торопливо устремляясь по водостоку вперед, в лес, дальше от дороги, ворот и беснующейся толпы, которая вот-вот прорвется...

Моро проснулся до рассвета и выскользнул из объятий Арисы. Дождь продолжал идти, но стал совсем слабым и мелким: гроза ушла, оставив прохладу и свежесть. Наконец-то дышалось легко и приятно.

Хотя ничего хорошего продолжающиеся дожди не предвещали.

Мужчина с трудом развел растворимый кофе еле теплой водой. Хотелось верить, что самые масштабные последствия заливающих город ливней они с Арисой не застанут; тем более сейчас, когда появилась почти осязаемая надежда клетку КГ/12-13-6-20-12-1 покинуть. Моро подошел к окну погруженной в синий сумрак кухни и, небрежно оттянув двумя пальцами занавеску, выглянул на улицу. Усталость от вчерашней беготни не исчезла. Забитые мышцы до сих пор были напряжены, ноги гудели, потянутая рука ныла в плече. Терпимо, бывало сильно хуже.

Жан-Паскаль сделал глоток горького кофе.

В голове всплыл торговый центр, что стоял неподалеку от обнаруженного Моро хаба выживших, и стрекотня кадаверов, отражающаяся от застекленных павильонов. Эхо – обманчивый союзник, чаще оказывающийся ножом в спину: как определить, где конкретно твари засели, сколько их, в каком они состоянии? Моро предпочитал не рисковать и в

любой другой ситуации решил бы уйти из обжитого зараженными места, но попавшаяся ему на глазах троица, также забравшаяся в ТЦ в поисках припасов, привлекла внимание: хорошо вооружены, выглядели бодро, слишком активно и уверенно собирались покинуть город... Жан-Паскаль, кроясь в тених, последовал за ними. Взбудораженные отъездом выжившие не особо вслушивались в потревоженную тишину торгового центра, наполняющуюся клекотом пробуждающихся мертвецов, а сами кадаверы, почуяв легкую добычу, начали охоту. Моро, ругаясь себе под нос, старался держать любой доступный выход на виду. Рациональнее было бы уже дать деру – раз зараженные вели себя, как хищники, значит, были из “изменившихся” и представляли серьезную опасность даже в малом числе – но клятая троица продолжала обсуждать отъезд, и Жан-Паскаль ждал, когда они ляпнут что-то значимое. Он не питал ребяческих надежд на то, что людей будут вывозить из добрых намерений и бескорыстного желания помочь; наверняка случайные прохожие билет из ада просто так не получают.

Троица вошла в один из павильонов, продолжая галдеть. Более того: кто остался контролировать двери, больше внимания уделял своим спутникам, чем коридорам. Моро невольно усмехнулся. По классике, в общем-то: халатность в мелочах, чрезмерная самоуверенность и наплевательское отношение к правилам безопасности, написанным кровью, влекут последствия. Могли меняться времена и целые эпохи,

но люди не изменяли глупости.

Бывший жнец незаметно спрятался за стойкой бывшей кофейни, прислушиваясь к голосам.

Чуйка Жан-Паскаля не подвела. “Билета” из города, может, не было, но были зеленые металлические браслеты. Ну, не только зеленые, но троица в павильоне заимела именно их; что они значили и за какие заслуги выдавались значения не особо имело. Моро должен был заполучить “проездной” любым способом, оставалось выбрать каким. Можно было дожидаться зараженных и во время хаоса и замеса забрать браслеты. Можно было дожидаться, когда кадаверы сделают свое дело и обыскать трупы. Но. Но...

Моро шмыгнул носом и сделал еще один крупный глоток кофе. Поставил чашку на подоконник, обернулся к пистолету на столе, сменным пустым магазинам и паре красных пачек патронов. Сел за стол, открыл первую.

Если можно минимизировать риски – значит, нужно минимизировать риски. Кто знал, сколько кадаверов укрылось в стенах торгового центра? Насколько они были умны? Убили бы они троицу сразу, устроив пиршество на месте? Утащили бы за собой? А если зараженных был бы десяток? А если больше? Пришлось бы не только бороться с троицей, но и пытаться выжить среди кадаверов: отбиться или сбежать... Моро накрутил на ствол глушитель и, вынырнув из укрытия, сделал первые два выстрела сразу. Третий из выживших, с криками и ругательствами, открыл ответный огонь.

Эхо понесло вопли и выстрелы по этажам и откликнулось откровенным диким рокотом бросившихся на звук кадаверов. Моро, проскользив в магазин по растекающейся под трупом крови – *в артерию, что ли, попал?*– сбил выстрелом по ногам оставшегося из троицы – *он, придурок, думал, что сможет за прилавками спрятаться, но не учел открытое под ними пространство,*– подскочил, бросился к захлебывающемуся кровью, сорвал браслет с его руки, подхватил портфель – *а мало ли, что-то ценное?*– и бегом устремился к стонушему и уползающему. Выбил из его руки оружие, стянул браслет, забрал отлетевший в сторону пистолет. “Ублюдок! Чертов ублюдок!” – раздалось за спиной выбегающего из магазина Моро. *Оставленный из троицы в живых ненадолго займет кадаверов, дав Жан-Паскалю, забирающему третий браслет с тела у двери, шанс...* Еще один закинутый за спину рюкзак и, что есть мочи, к дверям. В галерею вылетели покотившиеся кубарем с лестницы зараженные. Они, мало уже напоминающие людей, ломано подскочили на ноги, срываясь на звуки. А рокота становилось больше, он раздался и с другой стороны, и спустя мгновение, разбив стеклянное ограждение второго этажа, зараженные начали падать. Шлепки тел о мрамор, чавкающие хлопки, хруст костей. Один из кадаверов рухнул в паре метров от Моро, другой – прямо перед ним, третий едва не сбил бывшего жнеца. За спиной раздался истошный крик. Жан-Паскаль перепрыгнул через дрожащего и пытающегося встать кадавера и вылетел в откры-

тую дверь. Вдох-выдох, вдох-выдох. Главное не сбить дыхание, контролировать боковым зрением периметр и не обобщиваться. На одном дыхании на улицу, перемахнуть через крупную трещину на асфальте и, круто повернув в проулок, броситься петлять, лишь бы стряхнуть преследовавших...

Моро, сжав зубы, передернул затвор. *На запястье мужчины перекатился зеленый браслет.* Жан-Паскаль положил пистолет перед собой на стол, принялся разминать каменные мышцы шеи, опустив к груди подбородок. Тяжело вздохнул. Оглянулся, ища чашку с кофе. Заметил на подоконнике, выругался, поднялся за ней.

Персиковый блик лег на окно отсветом розовеющего горизонта.

На душе тихо и спокойно. У них с Арисой были браслеты для выезда, а как они появились – не так важно.

Тем более Арисе не стоило знать детали.

На западе небо заволокли тяжелые черные тучи. Гроза к рассвету ушла за город, и Арисе с Моро удалось напоследок посмотреть на покрытые золотом крыши раскинувшихся ниже кварталов – выглянувшее из-за гор солнце озарило лучами полные воды кровли. В янтарный облачились и склоны гор, и улицы; листва в этом году пожелтела очень рано, особенно для Запада. И быстро. Бастующая природа увядала.

Жан-Паскали молча стояли на балконе, опершись о холодную перекладину перегородки.

Один из верхних этажей, дом располагался на склоне – под которым, к слову, в своё время так и проложили сеть тоннелей – и из окон был виден не просто весь город, раскинувшийся словно на ладони, но и ломаная линия южного хребта, чьи вершины в ясную погоду казались вырезанными на фоне голубого неба. Моро, питавший слабость к панорамным видам, счёл тот пейзаж одним из лучших, встречавшихся ему за жизнь.

Мужчина обернулся к Арисе, чуть откинувшей голову и наблюдающей за встающим солнцем из-под опущенных ресниц. Её голубые глаза никогда не были холодными. Они и сейчас источали тепло, напоминая не лед, а теплую морскую воду, лазурную и искрящуюся. Налетевший прохладный ветерок, что нес за собой запах дождя и прелой листвы, коснулся распущенных волос девушки. Раньше она красила их в медно-рыжий цвет, но сейчас темные корни отросли сантиметров на десять, если не больше. Моро невольно улыбнулся уголками губ. Ему так нравилось даже больше. Объяснить сложно; наверное, в этой незначительной детали было что-то *настоящее*. Будто спадала очередная маска, которых у обоих было предостаточно. Отголоски той лжи, сопровождавшей их знакомство и сближение, до сих пор витали поблизости, пусть ни Моро, ни Ариса вслух этого не признавали. Но и он, и она цеплялись за искренность, заглядывали в

глаза друг друга и боялись не найти там честности. И оба не могли представить жизни один без другого.

— Мы ведь успеем к концу осени в °3-6-18-1? — тихо спросила Ариса, вырывая Моро из мыслей. — Время ещё есть, конечно, но не представляю, во что превратился Запад. Или превращается прямо сейчас, — она вздохнула и опустила взгляд, пряча тоску и беспокойство.

— Мы успеем, — заверил её Жан-Паскаль. — Но больше никаких купольных городов, будем двигаться по открытой местности. Единственное, сделаем небольшой крюк, чтобы объехать Плуатские болота. Думаю, лучше уйти севернее...

— Я никогда не бывала в той местности, — пожала плечом девушка, подняв взгляд к супругу. — Могу судить только по информации, которая была у "Анцерба".

Моро помедлил и тяжело ответил:

— У меня были командировочные выезды в города неподалеку от болот. Лучше уйти севернее.

Пока верноподданные Государства были весьма серьезно ограничены в разъездах, жнецы, выполняя рабочие задачи, имели чуть больше свободы передвижений.

Свободы специфической, но всё же.

Ариса почти незаметно кивнула и, отвернувшись, деликатно сменила тему:

— Наверное, Харрисон и бабуля уже в пути. Представляю, как они счастливы вернуться домой!

— Особенно леди Авдий, — Моро добродушно усмехнул-

ся. — Иногда мне кажется, что мы все держались одними только её причитаниями о том, насколько везде, по сравнению с Западом, отвратительно и невыносимо. Я и представить себе не мог, что можно настолько критиковать всё: начиная от чая, заканчивая травой газона, — и Ариса тоже посмеялась опуская голову на плечо Моро. — А она держалась на постоянных подколах в мою сторону. Меня никогда в жизни столько не доводили просто от нечего делать...

— Она тебя полюбила, — отозвалась довольная Ариса. — А бабуля очень избирательна в людях, кому дарит своё внимание. Богиня Матерь, о чем говорить, Харитина пекла тебе твой любимый лимонный пирог! Учитывая, что она не просто никогда не любила готовить, но практически всю жизнь нанимала поваров или питалась в ресторанах, — и тише, себе под нос добавила: — может, дед поэтому именно ресторанный бизнес завел...

Моро с сожалением вздохнул. Жаль, что Харрисон не видел в ту секунду Арису. Она, пожалуй, впервые вспомнила деда с ностальгией, а не щемящей болью.

Но вслух Жан-Паскаль сказал другое, боясь спугнуть ставшую столь редкой легкость:

— Тот пирог был абсолютно заслуженным. Я был хорошим мальчиком.

Ариса, продолжая улыбаться, с трудом сдержала смех:

— Нет. Не был.

— Это философский вопрос, — пожал мужчина плечом,

состроив невинную гримасу... А затем, вновь глянув к горизонту, помрачнел.

С окраины города поднимался серо-бурый дым, которого с минуту назад не было. Время, как бы ни казалось после судного дня остановившимся, продолжало неумолимо бежать, и не оставалось ничего, кроме как попытаться вступить с ним в гонку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.